

**Запахи в различных языках и культурах.
Попытка сопоставительного анализа
(на материале корейских, японских и русских фразеологизмов)**

© кандидат филологических наук Пак Сон Гу (Республика Корея), 2009

Известно, что запахи играют огромную роль в межкультурной коммуникации: они могут быть как препятствием, так и благотворным фактором в общении. Когда человек оказывается в инокультурной среде или общается с представителями «иной» культуры, он не только обращает внимание на существование «чужих» запахов, которыми пропитана другая культура, но оценивает и осознает их в сопоставлении со своими родными и привычными.

Запахи выступают как часть семиотического поля чужой культуры. В любой культуре происходит означивание и символизация результатов восприятия окружающей действительности, информация о которой поступает к человеку по трем каналам: зрительному, слуховому и кинестетическому (через осязательные, обонятельные и другие ощущения). И человек использует эти каналы для обратной связи с окружающим его миром.

В данной статье мы остановимся на обонятельном компоненте создания образа в корейской, японской, русской культурах на материале фразеологизмов трёх языков.

В настоящее время усиливается интерес исследователей к изучению запахов в культурах разных народов и той роли, которую они играют в социокультурной жизни (см. [«Ароматы...» 2003]). Этот интерес обусловлен тем, что в изучении коммуникативных процессов это «самый древний канал дистантной связи» [Мечковская 2004: 108] был незаслуженно обойдён вниманием исследователей проблем межкультурной коммуникации. По мнению К. Леви-Строса, «запахи принадлежат к природному и социальному мирам одновременно» [Леви-Строс 2003: 163], поэтому знаки, связанные с запахами, имеют определенное значение в структурировании образа мира.

У каждой культуры существуют свои специфические запахи, которые являются доминантными для носителей этой культуры и выступают в качестве ее опознавательных знаков. Это связано как с географическими и природными условиями существования и развития культуры, так и с традициями, обрядами, обычаями разных народов. В картине мира каждой культуры отмечаются запахи природы (растений, живот-

ных, моря, гор, степей и т. д.), естественные и привнесенные запахи человека (парфюмерные ароматы, ритуальные умощения и др.), а также запахи традиционной кухни.

Так, например, «индийская гастрономия чрезвычайно тонко различает все разновидности и оттенки вкуса и запаха, что не покажется удивительным, если учесть ее длительный опыт использования ароматических трав и специй. Однако, хотя мы вправе утверждать, что индийская кухня ставит на первое место вкус и аромат еды, а китайская делает упор на текстуру, это вовсе не означает, что китайцы не считают аромат важнейшим качеством пищи, а индийцам безразлична ее текстура. Это просто вопрос приоритетов и способов восприятия и оценки различных качеств пищи, действующих на органы чувств <...>. Эти оценки и используемые нами критерии в значительной мере определяются культурой. Эскимосы, подобно многим народам Западной Европы, предпочитают мясо другим видам пищи, однако не всякое мясо они находят вкусным. Наибольшее эстетическое удовлетворение доставляет им подгнившее мясо, ставшее мягким и полужидким, с сильным запахом и резким вкусом. У эскимоса запах и вкус жареного свежего мяса может даже вызвать отвращение, а наша реакция на его пищу, конечно, окажется прямо противоположной. Обе эти реакции представляют собой результат длительного воздействия разных культур» [Розин, 1995: 327].

Следует заметить, что приятными запахами в корейской культуре считаются растительные запахи, запахи свежего утра, весны, некоторых блюд традиционной кухни, таких, как запахи кимчхи (корейской квашеной капусты), двенджаньттиге (супа из бобовой пасты) и др. В японской культуре обонятельные приверженности отражены в пословице: *ниоимацйтхакэ, аджисимэджи* (букв. 'самый хороший запах гриба-боровика, а самый вкусный – гриба аджисимэджи'), которая может быть осмыслена как в прямом, так и переносном смысле.

В качестве неприятных, как, наверно, в большинстве культур, будут рассматриваться запахи продуктов выделения, невымытых волос и др.

Способы обозначения запахов в корейской и японской культурах по сравнению с русской не отличаются большим разнообразием: «соответствующая терминология в русском языке, как, впрочем, и в других, достаточно бедна» [Кабакова 2003: 50]. И в том и в другом языке все, что связано с ароматом и запахом, обозначается:

- глаголами: корейск. *нада* (букв. 'появляться') в устойчивых словосочетаниях: *нэмсэга нада* (букв. 'появляется запах'), *нэмсэрыль матда* (букв. 'нюхать запах'), *нэмсэ пхиуда* (букв. 'производить запах'), *ссокын нэмсэ нада* (букв. 'появляется гнилой запах'), *напын нэмсэ нада* (букв. 'плохой запах появляется'), *акчхига нада* (букв. 'появляется вонь'), би-

риннэга нада (букв. 'появляется запах сырой рыбы'); яп. *гагы* (букв. 'нюхать'), *сыры* (букв. 'появляться (о запахе)'), *дасы* (букв. 'издавать'), *ганджиры* (букв. 'чувствовать (запах)'), *кысаи* (букв. 'пахнуть'); в словосочетаниях: *ниоигасыры* (букв. 'появляется запах'), *ниоогагы* (букв. 'нюхать запах'), *ниоодасы* (букв. 'производить запах'), *кыссагданиоигасыры* (букв. 'появляется гнилой запах'), *оарыниоигасыры* (букв. 'появляется плохой запах'), *аккыцугасыры* (букв. 'появляется вонь'), *намагысаиниоигасыры* (букв. 'появляется запах сырой рыбы'); русск. *пахнуть, нюхать, нести, разить, смердеть, повеять, потянуть, благоухать*;

- прилагательными: корейск. *хянгирун (нэмсэ)* (букв. 'ароматный (запах)'), *джохын (нэмсэ)* (букв. 'хороший (запах)'), *цинсонхан (нэмсэ)* (букв. 'свежий (запах)'), *согын (нэмсэ)* (букв. 'тухлый (запах)'), *гусухан (нэмсэ)* (букв. '(запах) жареного кунжутного семени'), *гуриннэ* (букв. 'запах фекалий'); яп. *шиниоига* (букв. 'хороший запах'), *синсеннаниоига* (букв. 'свежий запах'), *гообасиниоига* (букв. 'запах жареного кунжутного семени'), *кысонониои* (букв. 'запах фекалий'); русск. *вонючий, зловонный, смрадный, ароматный, благоуханный, благовонный, душистый*;

- существительными: корейск. *хянь* (букв. 'аромат'), *нэмсэ* (букв. 'запах'), *аккхи* (букв. 'вонь'); яп. *ниои* (букв. 'запах'), *акцу* (букв. 'вонь'); русск. *аромат, благоухание, благовоние, вонь, зловоние, смрад, дух* (прост.), *душок* (разг.), *запашок* (разг.).

Фразеологические единицы не только выражают отношение той или другой культуры к запахам, но и через них характеризуют личность человека, его поведение и поступки, возраст и состояние здоровья. Так, например, о неопытном, молодом человеке русский скажет: *этот человек не нюхал пороху*, для корейца подобная характеристика человека не будет ассоциироваться с запахом: *мориэ пхидо марыджи анта* (букв. 'на голове кровь еще не высохла').

Русский подчеркивает молодость собеседника словами: *у тебя еще молоко на губах не обсохло*, кореец выражает то же самое через запахи: *джотбириннэ нада* (букв. 'появляется запах сырого молока').

Обозначение старости, старческого возраста в русском языке может происходить не через запах непосредственно, но через действия, которые ведут к возникновению неприятного запаха: *старый пердун* (груб.), либо через перенос значения: *старый козёл* (груб.) (известно, что козёл имеет неприятный, резкий запах).

В корейской культуре исконно существовало уважение к людям старшего поколения, поэтому подобные выражения отсутствуют. В корейском языке старость с ольфакторной точки зрения может обозначаться следующим способом: *ноинэ* (букв. 'запах пожилых людей').

В качестве бранных слов в адрес человека с дурным характером русский употребит словосочетания *козёл вонючий* (груб.), *пес смердящий* (груб.) (вспомним слова царя из известной кинокомедии «Иван Васильевич меняет профессию»), кореец же скажет: *гетонь гатхын ном* (букв. ‘мужик, как собачье дерьмо’). О человеке с плохим характером и своём нежелании с ним общаться в русском языке есть выражение: *не трогай его, а то завоняет*, в корейском – *тонъыль мусоуосо пхиханя нэмсэнасо пхихаджи* (букв. ‘обходишь дерьмо не потому, что его боишься, боишься запаха, которое оно издаёт’).

В русском и корейском языках есть фразеологизмы, которые через обонятельные знаки указывают на тяжелую, смертельную болезнь человека, на закат его жизни: русск. *он на ладан дышит; еле (чуть) дышит*; корейск. *джугымы нэмсэга нада* (букв. ‘(от него) появляется запах смерти’), *сумыль хольтогида* (букв. ‘еле-еле дышит’) – «скоро умереть»; *ттан нэмсэга гохухада* (букв. ‘запах земли приятен’) – «скоро умереть»; *сумикиноджида* (букв. ‘прерывается дыхание’) – «умирать»; преклонный возраст человека: русск. *от него уже пахнет нафталином*; на состояние опьянения: русск. *от него разит (несет) водкой, перегаром*; корейск. *сульнэмсэга беоитта* (букв. ‘пропитан алкогольным запахом’); яп. *сакэнибореттэиры* (букв. ‘тонуть в сакэ’).

Различные жизненные и социальные ситуации по-разному представлены в трёх языках. Например, угроза начала войны: русск. *пахнет порохом*; яп. *гайкнониоигасыры* (букв. ‘чувствуется запах пороха’); корейск. *джондженъы нэмсэга нанда* (букв. ‘появляется запах войны’); в фразеологическом синониме образ связан со зрительным компонентом: *джондженъы джиджога боинда* (букв. ‘предпосылки войны виднеются’).

Говоря о невозможности осуществления какого-либо действия, русский скажет: *дело пахнет керосином*. Для корейца подобная ситуация не будет ассоциироваться с обонянием: *хэга соцокэсо тыль года* (букв. ‘солнце взойдёт с запада’).

При опасности русский произнесёт: *пахнет жареным*, в корейском языке нет и намека на запахи: *ильчхукчыкпаль* (букв. ‘если тронешь, то взорвётся’).

Человек, вызывающий подозрение, на Дальнем Востоке издаёт определенный запах: корейск. *гуриннега нанда* (букв. ‘появляется запах фекалий’); яп. *кысонониоикысаи* (букв. ‘от него идёт тухлый запах’).

Русское выражение *деньги не пахнут* употребляется в ситуации, когда для предприимчивого человека не имеет значение, что деньги получены неблагоприятным путем. В корейском стереотипном мышлении эта

ситуация не будет отождествляться с ольфакторным компонентом: *донэ ирым сыёиня?* (букв. ‘на деньгах написано имя?’).

Корейский фразеологизм *дон нэмсэрыль матта* (букв. ‘чувствует запах денег’) употребляется в качестве характеристики человека, который умеет зарабатывать деньги.

С обонятельным компонентом восприятия действительности также соотносится и обозначение отношения к людям в двух культурах.

Так, в русском языке отношение к человеку выражается через называние запахов или обозначение обонятельных каналов восприятия информации. Например: *не надыхаться на кого-л.* ‘любить кого-л.’, о ненавистном человеке: *на дух не переносить* ‘не любить’, даже ‘ненавидеть кого-л.’.

У корейца в свою очередь в присутствии любимой женщины останавливается дыхание – *гынё ёпхэсонын сумимоннында* (букв. ‘рядом с ней останавливается дыхание’). В нелюбимом человеке: он (букв. ‘ненавидит даже запах его тела’) *гыэ чхэчхидо сильда*. В японском языке для выражения ненависти используется мифологема нос: *хананицыкхы* (букв. ‘к носу приклеиться’).

В русской культуре обонятельный компонент задействован и при обозначении присутствия или отсутствия какого-либо объекта. Русский говорит: *тут этим и не пахнет*, В корейском языке те же отношения выражаются не через ольфакторные, а через визуальные знаки: *гимидо ан боинда* (букв. ‘даже знака не видно’).

Обладание какой-либо информацией или её поиск в трёх языках выражается следующим образом: корейск. *нэмсэрыль матта* (букв. ‘унюхать запах’), яп. – *ниоюогагы* (букв. ‘унюхать запах’); русск. *унюхать, вынюхивать*.

Русский о пропавшем из поля зрения человеке скажет: *от него ни слуху ни духу, нет и в помине, и след простыл*. В корейском языке отмечено два варианта: один ассоциируется с запахом *джачхидо обици сараджида* (букв. ‘исчез, даже не оставив своего запаха’), другой – с памятью *киокдо обта* (букв. ‘о нем не осталось памяти’); в японском языке – со зрительными образами: *гагэмогатачхимонаи* (букв. ‘нет ни тени, ни образа’).

Желание человека, связанное с исчезновением кого-либо из его жизни или из данной ситуации, русский выразит так: *чтобы духу твоего здесь не было*, поставив акцент на «неприятном» запахе собеседника. Кореец скажет: *хынджогдо обици палли гара (сараджэра)* (букв. ‘уходи, не оставляя следа’).

В русском языке наличие или отсутствие интуиции обозначается через обонятельные ощущения: *чують носом, нюх потерял*, в корейском

языке потеря интуиции – *гамгагылъ ильборида* (букв. ‘потерять нюх животного’).

В языках ольфакторный компонент представлен не только через название и характеристику запахов, предметов, обладающих запахами и ароматами, а также действий, порождающих запахи, но и через указание на орган обоняния – *нос*. В трёх культурах *нос* является важной мифологемой.

В корейском и японском языках мифологема *нос* символизирует наличие или потерю авторитета, репутации человека в обществе, а также обозначает человека, который считает себя выше, значительнее других: корейск. *кхога напчакхэджида* (букв. ‘нос становится приплюснутым’) – «упасть (об авторитете)», *кхога нопта* (букв. ‘нос высокий’) – «завидеть, чваниться», *кхога сэуда* (‘задирать нос’) – «завидеть, важничать, чваниться»; японск. *ханагадакаи* (букв. ‘нос высокий’) – «задирать нос», *ханакигаарай* (букв. ‘воздух из носа сильный’) – «высокомерно вести себя», *хананигакэры* (букв. ‘повесить что-л. в нос’) – «воображать, задаваться».

В русском языке также существует фразеологизм для выражения этого значения: *задирать нос* ‘завидеть».

Нос как на Дальнем Востоке, так и в России служит мерилем расстояний, входит в состав выражений, обозначающих близкое расстояние до кого- или чего-либо: корейск. *кхо апхэ* (букв. ‘перед носом’) – «близко, рядом, недалеко, в ближайшее время»; русск. *под носом* ‘рядом с кем-либо’, *на носу* ‘очень скоро».

В трёх языках *с носом* связывается и проявление неудовольствия, презрения: русск. *нос воротить* ‘относиться с презрением’, корейск. *кхонгвирьиль квида* (букв. ‘фыркать носом’) – «выражать неудовольствие, пренебрежение, отказываться, упираться»; яп. *ханадэасирай* (букв. ‘носом покажет’) – «выражать неудовольствие или пренебрежение, отказываться».

Одинаковые образы возникнут у представителей двух народов при демонстрации уныния: корейск. *кходэрьиль натчхуда* (букв. ‘снижать носовой хребет’) – «сникнуть», русск. *вешать нос* ‘приходить в уныние».

Обман в русском и корейском языках также будет отождествляться с мифологемой *нос*: русск. *водить за нос*, *натянуть нос*, *оставить с носом*; корейск. *нун кхорьиль бэда* (букв. ‘отрезать нос и выколоть глаза»).

Малое количество чего-либо ассоциируется у русского с лексическим компонентом *нос* – *короче воробьиного носа* ‘очень мал, короток’, *с гулькин нос* ‘очень мало’, кореец же свяжет это с орнитологическим

образом – *сэбальэ пхи* ('кровь на лапке у птицы'), *бёнъари нунмульманкхым* (букв. 'словно слезинки цыплёнка').

Запах соотносится с чувственным опытом человека. Трудно вербально выразить запах. Если человек никогда сам не чувствовал запах чего-либо, по описанию он не сможет его идентифицировать. *Легавые* – название сыщиков в русском языке. Это метафоризация способности сыщиков найти след преступника «по нюху», как собака. Вспомним песенку из мультипликационного фильма «Бременские музыканты»: «Нюх, как у собаки, глаз, как у орла».

В корейском и японском языках существуют схожие фразеологизмы: корейск. *кекхорыль гатта* (букв. 'имеет собачий нос'), а в яп.: *иныноёни-ханагакикы* (букв. 'хороший нос, нос, как у собаки').

У корейцев и русских фигурируют одинаковые образы при определении ограниченности человека: в русском языке *не видеть дальше своего носа*, в корейском языке *кхо афэмман бода* (букв. 'видеть перед носом') – «быть ограниченным, не замечать общего за частным»; *кхо афэмман бода* (букв. 'видеть перед носом').

У двух народов зарегистрированы фразеологизмы с компонентом *нос* и со значением: 'выйти, показаться' – корейск. *джамкан кхоман нэмильда* (букв. 'немножко высунуть нос'), русск. *высунуть нос*.

В русском языке имеется большое количество фразеологических единиц с лексическим компонентом *нос*, тогда как в корейских аналогах отмечены другие образы, например: русск. *держат нос по ветру* 'примеряться к обстоятельствам' и корейск. *ганэ бутхотта сыльгезэ бутотта хада* (букв. 'прилипает то к печени, то к желчному пузырю') – «беспринципно меня свои убеждения»; русск. *совать нос* 'вмешиваться во что-либо, обычно не в свои дела' и корейск. *намы джанчиэ гам нохара бэ нохара ханда* (букв. 'на чужом пиру подкажет, где стоит хурма и груша').

В японском языке существуют следующие фразеологические единицы с компонентом *нос*: *ханамочхинаранани* (букв. 'не может поднять нос') – «не хочет простить кого-либо», *ханаоакас* (букв. 'нос освещает') – «победил и расстроил кого-либо», *ханаооры* (букв. 'слопать носовой хребет') – «победил и расстроил кого-либо».

С *носом* непосредственно связан феномен дыхания. Как в корейском, японском, так и русском языках есть определенное количество устойчивых словосочетаний с лексемами *дыхание/дышать*. Во многих дальневосточных культурах дыхание считалось священным. Оно начинается с рождением и обрывается со смертью. Полагали, что дыхание и есть душа. При выдохе она выходит наружу, чтобы общаться с миром, и возвращается при вдохе. Запах же – это дыхание растений, душа приро-

ды, знак незримого присутствия божества на земле (см. [Жирицкая 2004, Т.2.: 485]).

Русский человек во время короткого отдыха *переведёт дух* (*дыхание*), Японец в короткий перерыв скажет: *икиочыкхы* (букв. 'делать вдох') – «немного отдохнуть».

В Корее, Японии и России для обозначения задержки дыхания используют следующие фразеологизмы: корейск. *сумыль джугида* (букв. 'убить дыхание'); *икиогоросы* (букв. 'убить дыхание') – «затаить дыхание» и русск. *затаить дыхание*.

Русские люди, если хотят подчеркнуть, что живут какими-либо интересами, находятся в каком-либо окружении, употребят фразеологическую единицу *дышать воздухом* (*каким или чего*), а корейцы – *когида мурыль маннада* (букв. 'рыба встречает воду').

Для выражения чувства облегчения, которое испытывает человек, освободившись от забот и тревог русский использует фразеологизм *вздохнуть* (*дышать*) *свободно*, корейцы же в свою очередь – *хансум дольлида* (букв. 'перевести одно дыхание').

Русская фразеологическая единица со значением огромного количества: *дыхнуть негде* (или *нельзя*) имеет соответствие в корейском языке – *инсанинхэ* (букв. 'людей, как гор и морей').

В ситуации, если русский очень занят, перегружен работой, он произнесет: *дыхнуть некогда*, а кореец – *сум щиль тхымдо обта* (букв. 'даже нет перерыва, чтобы вздохнуть').

Если русский испытывает страх, то *не смеет дыхнуть*, у корейца – *суми мотда* (букв. 'дыхание прерывается') и *сумдо кыгэ мот щинда* (букв. 'даже не может громко дышать') – «испуганно молчит», японец – *кхогимыль салпхида* (букв. 'рассматривает воздух из ноздрей') – «боится посмотреть в глаза».

В корейском и японском языках существуют фразеологические единицы со значением 'тяжело вздохнуть': корейск. *хансумыль щида* (букв. 'сделать один вдох'), яп. *икиоирэры* (букв. 'нагнетать дыхание').

В русском языке фразеологизмы с лексическим компонентом *дыхание* могут иметь значения: 'до самой смерти, до конца жизни', как во фразеологизме *до последнего дыхания*, или 'прилив энергии, бодрости в состоянии усталости' в фразеологической единице *второе дыхание*, 'в один прием, присест' в фразеологической единице *не переводя дыхания* (*выпить, осушить и т. п.*).

В японском языке существует много пословиц, так или иначе связанных с ольфакторным компонентом. Например, японская пословица: *хэнонаитокорониноиоиадатханаи* (букв. 'где нет запаха газов, там нет и запаха') имеет значение 'нет дыма без огня'.

Неординарность человека, его превосходство над другими также выражается через запах: *сенданоахутхабаёриганбаси* (букв. 'китайский можжевельник ароматен листьями') – «великий человек отличается от других с детства».

'Находиться под влиянием более сильной личности' в японском языке выглядит так: *икигагакару* (букв. 'дыхание остаётся на улице').

О работоспособном человеке японец скажет: *икигазызыкхы* (букв. 'дыхание продолжается') – «долго может делать своё дело».

Запахи могут выступать и как социальные знаки. Ольфакторное обозначение и символизацию социального статуса человека мы встречаем в двух культурах, корейской и русской: существуют запахи богатства и бедности, города и деревни, профессиональные, половозрастные и т. д.

И в корейской, и в русской культуре по запаху различают социальный верх и низ. Запах дорогих сигар или сигарет, вина, смешанный с дорогими духами, в обеих культурах является символом благосостояния человека. Запах социальных низов связан с запахами мочи, фекалий, пота, нечистой одежды.

Запахи в корейском языке характеризуют профессиональную деятельность человека. Это нашло отражение в языке: *тамнэмсэ* 'запах пота' – о работника физического труда; *гырым нэмсэ* 'запах бензина' – о рабочих, *пхинэмсэ* 'запах крови' – о киллерах, *ттаннэмсэ* 'запах земли' – о крестьянах, *баданэмсэ* 'запах моря' – о рыбаках и т. д.

Запах ассоциируется с национальностью. Так, корейский фразеологизм *янкинэмсэ* (букв. 'запах янки') олицетворяет любого западного человека; *маныль нэмсэ* (букв. 'запах чеснока') – характеристика корейца.

Запах является знаком пола и возраста. Так, в корейской культуре младенец и молодой человек пахнут приятно: *джот нэмсэга нада* (букв. 'запах грудного молока идет'), *джольмыниы хянгига нада* (букв. 'появляется аромат молодого человека').

Как и в других культурах, в Корее запах женщины, безусловно, приятен и притягателен и определяется основами сексуальной культуры. В корейском языке это отражено следующим образом: *ёджа нэмсэ* (букв. 'запах женщины') – «человек с мягким характером».

Надо отметить, что традиционная русская культура предпочитала «естественные» женские ароматы. Запах духов символизировал социальное положение женщины: дорогие и тонкие ароматы сопровождали состоятельную и знатную женщину.

Представители стран Дальнего Востока всегда были тонкими ценителями ароматов. В Японии ароматические вещества никогда не наносили на кожу. Благовония, которыми они пользовались, были легки и едва ощутимы. Это был тонкий и сложный запах, в котором невозможно

было распознать аромат конкретного цветка. Безусловно, современные японские дизайнеры в своих духах испытывают влияние национальных традиций.

Определенные запахи, по мнению корейцев, характеризуют семейное положение. Это отмечено в корейском языке: фразеологизмы *хольаби нэмсэ* (букв. 'запах вдовца'); *чонгак нэмсэ* (букв. 'запах холостяка').

Итак, как показал анализ, запахи играют немаловажную роль в жизни трёх народов. Каждая культура имеет свои специфические запахи, которые являются доминантными для носителей той или иной культуры. Запахи становятся опознавательными знаками культуры.

Способы обозначения запахов в корейской и японской культурах по сравнению с русской не отличаются большим разнообразием.

Фразеологические единицы трёх языков не только выражают отношение той или другой культуры к запахам, но и через запахи характеризуют личность человека, его поведение и поступки, возраст, половую принадлежность, состояние здоровья, социальное положение и т. д.

Важную роль в трёх языках играет мифологема *нос* и феномен *дыхание*, с ними образовано большое количество фразеологизмов и пословиц.

Л и т е р а т у р а

1. Ароматы и запахи в культуре. Кн. 1 и 2. М.: НЛЮ, 2003.
2. *Жирицкая Е.* Ветер с Востока // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1. М.: НЛЮ, 2003. С. 482-502.
3. *Кабачкова Г.* Запахи в русской традиционной культуре // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 1 и 2. М.: НЛЮ, 2003.
4. *Леви-Строс К.* Путь масок. Пер. с фр. А.Б. Островского. М.: Изд-во «Республика», 2000.
5. *Мечковская Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М.: Изд-во «Академия», 2004.
6. *Розин Э.* Эстетика и кухня: разум возвышает материю // Красота и мозг: Биологические аспекты эстетики. М.: «Мир», 1995.
7. *Монтень М.* О запахах // Монтень М. Опыты: В 2 т. Т.1. Кн. 1,2. М.: «Голос», 1996.

СЛОВАРИ

Русские:

1. *Аристова Т.С., Ковшова М.Л., Рысева Е.А., Телия В.Н., Черкасова И.Н.* Словарь разных выражений русского языка. / Отв.ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995.
2. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 37. – 100 с. ISBN 978-5-317-02897-8

3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Аст-Пресс Книга, 2006.
4. Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь русского языка. Л.: Просвещение, 1984.
5. Жуков В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1980.
6. Зимин В. И. Краткий фразеологический словарь. М.: УДН, 1963.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.
8. Словарь русского языка. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 1-4.
9. Фразеологический словарь русского языка. / Под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1987.
10. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XX вв. / Под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. В 2-х томах.
11. Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М.: Русский язык, 1985.

Корейские:

1. *Дон Оан, Ким Хак Су*. Русско-корейский словарь. Сеул: Джурючюльпханса. 1987. – 1747 с.
2. *Пак Ёнь Джун, Чои Гёнъ*. Фразеологический словарь. Сеул: Тхэхакса. 1966. – 443 с.
3. *Син Джин Сок*. Гыгильджонхабильбоно. Сеул: Гонбубанъ. 1993. – 191 с.
4. *Син Ги Чоль, Син Ёнь Чоль*. Сэулималь Онсаджон. Сеул: Самсонъчюльпханса. 1983
5. *Игимун*. Согдамсаджон. Сеул: Ильджогак. 1997. – 744 с.
6. *И Хый Сынъ*. Гукодэсаджон. Сеул: Минджунъсорим. 1993. – 4482 с.
7. Большой корейско-русский словарь. М.: Русский язык. 1976. 2-х томах Т.
8. Корейско-русский словарь. М. 1994. – 891 с.
9. *Чой Гёнъ Нам, Сонъ Чон Сик*. Джосонмаль Сонъгусаджон. Сеул: Хангукмунхоаса. 1993. – 599 с.

Японские:

1. Годжиен. Синмурайдэн. Токхо: Иоанамищотен. 1998.
2. Ясдаёсими, Соннакбом. Ётсенсылъхансаджон, ханильсаджон. Сеул: Минджунъсорим. 1988.
3. Минджунъильхан ханильсаджон. Токхо: Сасюся. 2000.
4. Синмэикаикхокугоджитен. Ямадададао. Токхо: саннидо. 2005.